

Владимир Васильев

Евангелие от Святого Духа

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Владимирович Васильев

Евангелие от Святого Духа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43416879

SelfPub; 2019

Аннотация

Бродячий проповедник Иисус Иосифович, прибыв в Иерусалим, занимается различными богоугодными делами: славит тетрарха Ирода Иродовича, торгует вином, драгоценностями и табаком, одобряет аннексию исконно иудейского Дамаска, организовывает строительство храма в Гефсиманском саду и руководит христианской общиной, при вступлении в которую люди обязаны отдавать все свое состояние. Деятельность Иисуса почему-то не нравится агенту загнивающей Римской Империи, продажному предателю и безбожнику Иуде Искарйоту... Содержит нецензурную брань.

Дизайн обложки – Юлия Владимировна Колпакова

У слепой веры – очень злые глазки.

Станислав Ежи Лец

Если Бог существует, то ему придётся умолять меня о прощении.

Надпись на стене камеры концлагеря "Маутхаузен"

Невежество – первая предпосылка веры, поэтому церковь так высоко его ценит.

Поль-Анри Гольбах

Все написанное в повести является оценочным суждением автора. Автор – мирный человек и не имеет намерения кого-либо оскорбить этой повестью. Все персонажи вымышлены, любое совпадение с реальностью является случайным. Обидчивым, религиозным и набожным людям, чувства которых легко оскорбить, КАТЕГОРИЧЕСКИ не рекомендуется читать данную повесть.

Святилище, 9 месяцев до Рождества Христова

– Вот жида проклятые, совсем распустились! Меня хулят! – нервно вскрикнул Господь и занюхал свой гнев отборным кокаином.

– Сами создали, – флегматично бросил Святой Дух.

– Где страх Божий, ты мне скажи? Уж я их и войнами, и потопами и резней массовой, а они все хулят, никак не возлюбят, жидовье неблагодарное! Я с ними скоро антисемитом стану! – продолжал гневаться Господь.

– Справимся силами одного свято-демонического полка, – предложил Святой Дух. – Кто про вас скажет, что, мол, вы садист и убийца, а не всеблагий праведник, того наши черти прямиком в ад, замучается вечность раскаленные угли глотать! И язык так отрезать, чтобы больше ничего не выросло!

– Дух, – с подозрением покосился на собеседника Господь. – А ты точно святой?

– По вашему образу и подобию, Вседержитель, – оскалился Святой Дух.

– Вот именно! Других-то богов их творения почитают! – нахмурился Господь. – Осириса, который черножопых создал, словом плохим не помянут, Зевса обожают, а Кришну его обезьяны узкоглазые так любят, что скоро всю Землю его храмами загадят! Про Аллаха я вообще молчу!

– Согласно последним исследованиям, – кашлянул Святой Дух. – Ваше место в рейтинге богов триста тринадцатое из трехсот шестидесяти шести.

– Зачем ты мне это говоришь, поганец? – взревел Творец. – Я ведь и испепелить могу, не посмотрю, что ты Святой!

– Надо спасать ваш имидж, Господи, – невозмутимо ответил Святой Дух. – Пепельнуть вы меня всегда успеете, давайте лучше придумывать способы завоевания народной любви. У вас есть идеи?

– Могу ураган наслать, неурожай, несколько городов спа-

лить, младенцев перерезать, всех женщин изнасиловать, – начал перечислять Господь доступные ему способы взаимодействия с собственными творениями.

– Это все уже было, Всемогущий, – ухмыльнулся Святой Дух и, прихрамывая, подошел к книжному шкафу. – Раз у вас сегодня плохо с креативом, попробуем плагиат!

Он с воистину сверхчеловеческой скоростью прочитал за три секунды все триста шестьдесят шесть учений и торжественно улыбнулся.

– Вы с изнасилованием чуть в десятку не попали, – заявил он Господу. – Все не просто, а очень просто. В самых популярных на данный момент религиях боги делают себе деток, которые становятся апологетами праведности!

– Расплодились, маньяки сексуальные, – хмыкнул Господь. – Ну, настругаю я себе этот кладезь духовности и прочей ереси, и что?

– А то, что этим нравственным вектором, собственным сыном, будете вы сами, – объяснил Святой Дух.

– Это как? – вытаращил очи Вседержитель.

– Этого никто не поймет, – отмахнулся Святой Дух. – Ваше дело – дите заделать! У меня в Иерусалиме человек есть, так он может даже из безмозглой кобылы мудрейшего сенатора сотворить! Этот ушлый пиараст ваш плашмя лежащий рейтинг так оближет, что он до Солнца поднимется!

– А если эти хулилы вой поднимут, мол, схристианил идею с сынком у Осириса с Гором или у Зевса с Гераклом?

– Тогда наши скажут, что это не плагиат, а религиозный архетип, – непобедимо ответил Дух.

– Слово какое умное! Ладно, уговорил, – облизнулся Господь. – Полетел дите создавать!

– Только помните, – шутливо погрозил пальцем Святой Дух. – Зачатие должно быть непорочным!

– Разумеется! – расплылся в сальной улыбке Творец.

Вифлеем, Иудея, 9 месяцев до Рождества Христова

«Где же Яша?», – томно подумала Мария, прихорашиваясь перед зеркалом. – «Скорее бы, так гормоны любви заждались! Надеюсь эта пьянь старая, лось сохатый всю ночь будет свои поделки стругать, и нас с Яшей не застукнет!»

Чьи-то сильные мускулистые руки нежно схватили ее за попу. Мария взвизгнула от неожиданности.

– Спокойно, Маша, я Господь! – эротично протянул незнакомый молодой атлет. – Яшу жена не пустила. Сегодня я за него...

– А ты красивый, – игриво сказала Мария. – Ладно, уговорил, я согласная. Лишь бы здоровье было...

Через час выпитый до дна Господь, принявший для соблазнения ненасытной иудейки облик Геракла, полностью обессилел, но неумолимая Мария продолжала прыгать и скакать на его оплывшей свече.

– Помогите! – прохрипел несчастный Господь, пытаюсь

выбраться из сдавивших его тело ног Марии.

– Сейчас помогу! – с грохотом распахнулась дверь и в спальню законной жены ворвался размахивающий топором плотник Иосиф. – Я вас сейчас на котлеты порублю, голубки!

– Точно! – вспомнил о своих нечеловеческих способностях Господь и превратился в голубя.

Иосиф, размахивая топором, чуть было не задел голубя, но Творец умело уклонился.

– Йося, прекрати немедленно! – возмутилась Мария. – Птичку жалко!

– Берегите сына! – курлыкнул голубь и был таков.

– Ах ты бл... блудница вавилонская! – отбросив топор, замахнулся на изменницу Йосиф.

– Йося, только без рук! – прикрикнула на супруга Мария. – Не делай мне нервы, это был сам Господь Бог!

– Да ты что? – издевательски прошипел рогоносец. – Может, и Яша твой – бог?

– В постели – точно бог! Этот голубь в койке, увы, не бог, зато настоящий Господь, он мне ребеночка сделал, сына Божьего! Ты же, старый импотент, ребенка можешь только из дерева выстругать, папа Карло недоделанный!

– Вот раз он Бог, пусть своего ублюдка сам и воспитывает! – затрясся от ярости Иосиф. – А жена должна рожать от законного мужа!

– Как же, родишь от тебя, – надула губки Мария.

– Да, я стар! – заныл Иосиф. – Да, я уродлив! Да, я нищ!

Но, Маша, зато я богат духовно!

– Ты самый человечный человек, Йося! – обняла мужа Мария. – Давай этого Божьего ребеночка оставим?

– Что голубь-то твой, совсем с концами? – зло усмехнулся Иосиф. – Раз он Господь, то ты с него даже алиментов не выбьешь?

– Придурок ты, Йося! – глаза Марии засверкали. – Да он нам всем такую житуху обеспечит, что мы будем в мирре купаться, на золоте есть! Этот божок голубиный сказал, что при рождении сына придут к нам волхвы с дарами, а потом правители всех стран нас будут сокровищами осыпать! Сам, правда, на рождение сына не придет. Все вы, мужики, козлы...

– Маша, я тебя в Бедлам сошлю, – взялся за виски Иосиф. – Да любого в Бедлам сошлют, если он начнет эти голубиные байки рассказывать! Волхвы, сын Божий! Маня, ты сдурела!

– Мы и не будем, а то правда, в психушку запрут, – нахмурилась Мария. – А волхвам поверят!

– Этим продажным тварям только кретины верят! – возмутился Иосиф. – Когда этот алкаш, Ирод наш великий, нашу не менее великую империю, Палестину, на части разделил, они ему хором подвывали, мол, либерте, эгалите! Такую страну просрали, Маня, такую страну!

– На нашего будущего тетрарха, Ирода Иродовича, тоже бочку катили, уроды, – вспомнила Мария. – А как их сестер-

циями поманили, так и начали восхвалять его на каждом углу и в каждой подворотне!

– Но им, лжецам и фарисеям, верят, – задумался Иосиф. – Если мы такую ахинею, как они, начнем нести, нам диагноз поставят, а им за это тысячи динариев платят!

– Но ведь что вопят! – мелодично рассеялась Мария. – Что этот плешивый карлик, Ирод Иродович, альфа-самец! Даже я бы с ним не легла! И этот бред, что они аннексировали Дамаск, потому что иначе его бы захватили римские легионеры!

– Молчать! – завопил Иосиф. – Ты можешь изменить мужу, но измены Отечеству я в своем доме не потерплю! Дамаск всегда был исконно иудейским городом! А за клевету на нашего будущего кесаря я тебя прилюдно высеку, блудница! Ирод Иродович с птицами летает, со дна амфоры достает, тигров голыми руками убивает и весь мир его уважает! Покруче твоего голубка будет!

– Да, Йося, – похлопала мужа по плечу Мария. – Ты прав, этим лживым волхвам безоговорочно верят только кретины. Но раз в нашей Иудее их подавляющее большинство, моего сына, а заодно и нас, ждет прекрасное будущее.

– Они точно придут? – недоверчиво спросил Иосиф.

– Господь обещал, – вздохнула Мария.

– Будто бы он когда-нибудь выполнял свои обещания, – понурился Иосиф.

– Почему это? – возразила Мария. – Адама и Еву из рая

изгнал, потоп сделал, а сколько народу зверски замочил!
Нет, наш бог – это человек слова!

– Да уж, не дай нам Ирод Иродович такого светлого будущего! – передернулся Иосиф. – Одна лишь надежда на этого святого человека, а не на твоего божка...

Вифлеем, Иудея, Рождество Христово

– Йося, я не могу рожать в таких скотских условиях! – стонала Мария, лежа в спальне. – Ты бы меня еще в хлев положил!

– Где зачала, там и рожай! – грубо и бестактно заметил Иосиф, пилящий во дворе доски. – Как рожать, так от Господа, а как в провонявшей блудом спальне прибраться, или кровать детскую сделать, так это бесправный муж обязан! Хрен тебе, дева непорочная!

– Кроватьку Яша принесет, он обещал! – взывала Мария, держась за пузо.

– Откуда у твоего пастуха кроватька, – презрительно бросил Иосиф. – Максимум, ясли для козлят припрет, козел прыгучий! Твой голубок тебе тоже много чего посулил, и где? Срифмовал бы я, да все и так очевидно...

Но скепсис старого плотника был разрушен появившейся на горизонте колесницей. Черная закрытая колесница с тонированными стеклами, громко завывая, двигалась сама, без помощи лошадей. Сине-красные огни искрились на ее крыше.

– Ух ты, – с уважением сказал Иосиф. – Правительственная...

Колесница, обдав грязью будущего отчима сына Божьего, притормозила. Из нее выпрыгнули двое похожих друг на друга амбалов с военной выправкой, одетых в штатские черные хитоны. Они услужливо распахнули заднюю дверь колесницы, и на свет божий вышел невысокий лысоватый блондин, одетый в украшенный золотом черный хитон, прикрытый пурпурным плащом. С его выходом совпал вопль Марии и булькающий крик новорожденного.

– Вы волхв? – почтительно обратился к блондину Иосиф.

– Почему сразу волхв, – равнодушно ответил блондин. – Волхвов вам сейчас подвезут, они в пробке застряли. У вас такое дурацкое бездорожье, не то, что у нас в столице...

– За звездой, небось, ехали, – залебезил Иосиф.

– У меня на погонах и так звездочек хватает, – отрезал блондин.

– Но вы ведь к сыну Божьему, вам Господь путь указал? – уже с нажимом переспросил Иосиф.

– Зачем нам Господь, нам Господь без надобности, – заулыбался блондин. – Наши информаторы – скромные, многократно проверенные люди. Что же касается отпрыска Творца, то да, я по этому вопросу. Сейчас технику подвезут, волхвов нагрядмируют и будем праздновать светлое Рождество!

– Рад принять ваши поздравления! – раболепно вытянул-

ся Иосиф.

– Вы-то здесь причем? – удивился блондин. – Петя, Андрияша, проверьте эту халупу!

– Так точно! – двое бугаев синхронно отдали честь и наперегонки побежали к скромной хижине Иосифа.

– Ребенка-то хоть поздравите? – переспросил муж Божьей матери.

– Детей я люблю, – облизнулся блондин. Взор его упал на играющего в соседнем дворе мальчика Никетаса, сына Якова и Сары. Глаза столичного гостя замаслились, и он, чуть хромя, подошел к ребенку, задрал его хитон и плотоядно впился губами в его живот. Никетас замер от ужаса и начал громко икать. Непривычные к такому публичному распутству вифлеемские провинциалы начали собираться в толпу, грозно глядя на иерусалимского визитера. Однако выказать недовольство явно важной персоне, возможно, даже приближенной к новому императору, никто не осмелился.

– Все чисто, товарищ подполковник! – гаркнул один из здоровяков, вышедших из хижины Иосифа. – Сын Божий живой и здоровый, обделался, но смотрит орлом!

– Новый символ нашей Иудеи! – горделиво произнес блондин, с неохотой отпустив Никетаса. Один из амбалов подал столичному гостю странного вида трубу. Блондин поднес трубу к губам и его негромкий голос, усилившийся в сотни раз, загремел по всем улицам Вифлеема.

– Уважаемые иудеи и иудейки! – начал он. – Позвольте от

имени нашей великой империи поздравить вас с рождением сына Божьего, Иисуса Христа, сегодня присоединившегося к боям на всех фронтах нашего могучего государства!

– Иисуса? – недоуменно переспросил Иосиф. – Я хотел его в честь дедушки назвать, Давидом!

– Заткнись, рогоносец! – тихо прошипел один из амбалов, схватив отчима сына Божьего за шкуру. – Еще раз Матвея Матвеевича перебеешь, я тебе кадык вырву!

– Иудея сегодня – одна из ведущих мировых сверхдержав с гигантским внешнеэкономическим и оборонным потенциалом, – продолжил не обративший внимания на Иосифа Матвей Матвеевич. – И еще одним доказательством нашей мощи является рождение сына Божьего именно у нас, на территории Иудеи!

Собравшаяся толпа громко зааплодировала.

– Христос – наш! – завопила часть активистов. – Мы иудеи, с нами Бог!

– Но я также пришел на вашу землю, чтобы поведать вам о более знаменательном и важном событии! – воскликнул Матвей Матвеевич. – Сегодня в Иерусалиме состоялась коронация лидера нашей нации – императора Ирода Иродовича!

– Тоже мне, император, – вдруг громко заявил один из вифлиеемцев. – Тетрарх и римский наместник...

Матвей Матвеевич цыкнул взглядом, и один из бугаев, вытащив кинжал, кинулся к говорящему и перерезал ему

горло.

– Жалкая кучка отщепенцев, – с горечью произнес Матвей. – До сих пор смеет распространять клеветнические слухи, будто бы наша великая страна как-то зависит от Римской Империи. Пусть полученные этими предателями тетрадрахмы станут у них колом в горле! Эти свиньи либо будут ликвидированы нашими патриотами, либо загнутся сами!

– Римляне – гои! – закричали в толпе. – Октавиан – чмо!

– Оккупация Иудеи? Не смешите наши катапульты! – закричали с другой стороны. Иосиф, которого до сих пор держали за ворот, про себя отметил, что народный гнев был непривычно рукотворным и явно постановочным.

– Кольцо врагов, в котором находится Иудея, постоянно сжимается, – озабочено произнес Матвей Матвеевич. – Масштаб вызова наших бесчисленных врагов требует от нас такого же сильного ответа. И мы, под руководством Ирода Иродовича, готовы дать такой ответ. Мы готовы к настоящему прорыву! Бог нам поможет!

– Рим – наш! Дамаск – наш! Бог – наш! – заорала в едином порыве толпа.

И без того восторженную атмосферу накалило до предела появление пары безлошадных правительственных колесниц с мигалками на крышах. Из одной вышли рабочие в простых одеждах и безмолвно стали устанавливать странные сооружения, из которых исходили снопы света. Из другой колесницы вышли всенародно любимые волхвы – Соловей, Ки-

сель и Фекалий. При виде них толпа возликовала.

– Я передаю слово совести нашей нации, бесконечно правдивым волхвам, – тепло произнес Матвей Матвеевич под восторженные вопли толпы. Вдруг какой-то оборванец кинулся к его ногам.

– Господин наш! – завопил он. – Простите, я не знаю вашего титула...

– Я подполковник налоговой полиции, – презрительно прошипел Матвей Матвеевич. – мытарь, по-вашему.

– Господин, вы так хорошо говорили про нашу великую страну, – застонал оборванец. – Да, мы могучи и смелы! Но мы нищие, господин! В поте лица мы добываем хлеб свой, в нашем роду никогда не было рабов, но на жалкие подачки, зарабатываемые нами, мы живем хуже последнего римского раба! Мы, конечно, духовнее их, но жрать же хочется, господин! Как добыть нам денег за труд свой?

– Это провокация! Ходите денег, идите в торговцы, – сухо ответил Матвей. – Я и государство вам ничего не должны! Все, я поехал.

– Даже на сына Божьего не взглянете? – удивился осмелевший Иосиф.

– Не стоит, – хмыкнул Матвей. – Свидимся еще...

Амбалы открыли ему дверь колесницы, и он начал усаживаться.

– Хоть медный сестерций подайте, господин! – заплакал оборванец. – Моя жена умирает, мои дети голодают!

– Денег нет, но вы держитесь! – напутствовал провинциальных неудачников столичный визитер и растворился в клубах пыли.

Тем временем, оставив в спальне обессиленную роженицу Марию, трое волхвов вышли к народу с новорожденным сыном Божиим в цепких лапах.

– От Римской Империи останется только вулканический пепел! – вопил волхв Кисель, поднимая над толпой младенца. – Господь нам поможет!

Иисус захныкал и пустил на народ струю.

– Вот так мы поступим с набатеями, карателями и палачами, распинающими наших мирных иудеев! – перенял инициативу волхв Соловей. – Мы уже вернули Дамаск в родную гавань, а через два года иудейский флаг будет развеваться над Петрой! Сын Божий с нами!

– А в Сирии мы уже всех замочили и вывели из нее войска! Слава Богу! – заорал Фекалий. – Кому-то не нравится, что Дамаск наш? Что мы, блядь, великие? Подойди, сука, не ссы! Скольких я зарезал, скольких перерезал, всю жизнь на лекарства работать будешь! Христос с нами! Добро и христианство, ебаный в рот, с нами!

Толпа одобрительно гудела. Волхвы и вифлиеемцы были едины в своем порыве служить нравственности и христианству, а также попутно завоевать весь мир и разгромить загнивающую и бездуховную Римскую Империю, переполненную мусульманами и мужеложцами.

Ночью, когда нищие, несчастные, обманутые и замученные иудеи, упиваясь своим мнимым величием, наконец-то разошлись, уставшие волхвы сели вокруг костра и приложились к бутылкам отборного фалерского вина, закусывая его павлиньим мясом, устрицами и лунным сыром.

– Привет, мальчики! – помахала им вышедшая из хижины Мария.

– Привет, непорочная! – гоготнул Фекалий. – Бухнешь с нормальными пацанами?

– Не до этого мне, волхв, – отмахнулась Мария. – Ты лучше скажи, мне Господь обещал, что вы дары принесете, золото, ладан и мирру. Где все это?

– Зачем тебе дары, малая? – отпрыгнул Фекалий и обнял Богоматерь. – Лучший твой подарочек – это я!

Мария деловито врезала волхву промеж яиц. Фекалий взвыл и упал лицом ниц.

– Я тебя пощажу! – плачуще-тонким голосом пропищал он.

– Мария, нам Господь ничего не передавал, – скучающе сказал Кисель. – Мы не ему подчиняемся.

– Мамаша, выблядка своего уберите, он нам сегодня не понадобится, – чуть ли не швырнул Соловей Христа в руки Марии. – Весь хитон мне обоссал, тварь Божья!

– Ах, да! – вспомнил Кисель. – Гонорар за аренду сына Божьего составляет 30 сестерциев в сутки. Получите и распишитесь, мамаша.

– И это все? Вот эта мелочь! – разгневалась Мария. – Да на нее и неделю не проживешь!

– Что вам неделя, Маша? – с недоумением спросил Соловей. – Мы теперь с вашим дитятей каждый день будем по всем городам Иудеи гастролировать, а потом в Галилею поедем! После Галлии – в Римскую Империю, правда, несколько с другим репертуаром. У меня и Киселя там виллы, у Фекалия виноградники. У вас, Машенька, 30 сестерциев теперь ежедневный гонорар, еще и продуктами приплачивать будем! Начинаем христианский чес, Маша!

– Так это совсем другой разговор! – просияла Мария. – Сейчас, я только вещи собираю... Мужа можно не брать?

– Нужно! – убедительно сказал Кисель и положил Марии руку на колено.

Иудея, Иерусалим, 33 год от Рождества Христова

В сизую туманную дымку, опоясывающую Иерусалимские врата, вошли осел и ослица. Они были навьючены парой нетрезвых тел – длинноволосым молодым человеком с ухоженной бородкой, одетым в белую тогу, изукрашенную винными пятнами, и его полуголой спутницей, едва прикрытой безвкусным подражанием одежде римских гетер. Их спутники, девятеро чуть более трезвых бородачей, старательно подпевали пьяной парочке, исполнявшей дуэтом «У самовара я и моя Маша». Один из бородачей, одетый значительно изысканнее остальных, следовал чуть поодаль, напевал песенку

откровенно пародийно и смотрел на молодого человека на осле с нескрываемым презрением.

– Ваш пропуск, молодые люди, – равнодушно потребовал один из иерусалимских стражников, выдавший около врат и не таких чудаков.

– Какой еще пропуск? – гневно взревел наездник осла. – Да вы знаете, кто мой отец?

– Ты что, харя иудейская, сына Божьего не узнаешь? – рывкнул на стражника один из бородачей.

– Филя, не ори, – сжал ревущие виски Христос. – Переборщили мы вчера с превращением воды, явно переборщили...

– Гермес, ты что ли? – взгляделся стражник в Иисуса. – Ослы, небось, как всегда, краденые? Не наворовался еще, божий позор? А ну, пшел отсюда!

– Кто же так встречает сына великого Господа нашего! – раздался громовой глас, и стражник с изумлением обнаружил рядом с воротами правительственную безлошадную колесницу, рядом с которой стоял постаревший и оплешивевший Матвей Матвеевич в сопровождении двух поседевших, но все так же похожих друг на друга накачанных людей в штатских хитонах.

– Уволен, тварь, – коротко бросил Матвей Матвеевич стражнику. Умный стражник, проживший в Иудее много лет, сразу все понял и дал деру.

– Осанна сыну Божьему! Счастлив приветствовать вас в

столице, ребе Иисус, – раскрыл объятия Матвей Матвеевич.

– Мы знакомы? – переспросил Христос.

– Еще как! – заулыбался Матвей. – Кто же не знает самого популярного бродячего проповедника в Палестине!

– Приятно, конечно, – горделиво уселся на осле Иисус и смахнул кусок финика с пропахшей вином тоги. – А вы сами кто такой?

– Как кто? – удивился Матвей Матвеевич. – Мытарь я!

– Это кто? – спросил Христос, начавший подозревать что-то неладное. Уж больно откровенно наигранным было радушие Матвея, а морды стоящих рядом ним амбалов вообще не предвещали ничего хорошего.

– Подполковник налоговой полиции Матвей Матвеевич Левин, – представился Матвей. – Ваш апостол, биограф и куратор!

– Вот так вот? – Христос от изумления чуть не свалился с осла. – Я вас впервые вижу!

– Ну и что? – пожал плечами Матвей. – Я о вас знаю все, намного больше вас самого! И биографию вашу всю уже написал, от рождества до распятия!

– До чего? – испуганно сглотнул Иисус, моментально протрезвев.

– Это пока неактуально, – отмахнулся самопровозглашенный апостол. – Главное, что вам надлежит сейчас осознать – это то, что с этого момента я ваш куратор.

– Я не вполне понимаю иерусалимский жаргон, я вырос

в Назарете, – пролепетал Христос. Невысокая фигурка Матвея Матвеевича выросла в его воображении до исполинских размеров.

– Куратор можно перевести, как учитель, – вкрадчиво заметил подполковник.

– Ты обнаглел, мытарь! – вскрикнул Христос. – Ты знаешь, кто мой отец?

– Да не гоношись ты, божья морда, конечно, знаю, – лицо Матвея, как по команде, перестало излучать добродушие. – Сам недавно от него.

– Учитель здесь один, и это я! – разбушевался Иисус.

– Для вот этих, – небрежно кивнул Матвей на апостолов. – Сколько угодно. Но вашим учителем с этого момента стану я. И это не обсуждается.

Матвей взглянул на Христа своими ярко-голубыми глазами и что-то в лице этого человека (да и человека ли?) подсказало Иисусу, что ему лучше не перечить.

– И что же вы от меня хотите, Учитель? – с натужной иронией спросил сын Божий.

– Можно просто Матвей Матвеевич, – снисходительно сказал апостол. – Для начала, пусть ваши ребятки и ваша гм... спутница погуляют по городу, отдохнут в вашем новом дворце, покатаются на вашей новой яхте, а мы с вами нанесем обязательный визит вежливости гаранту нашего величия и законности – Ироду Иродовичу.

– Я не думаю, что Ирод Иродович питает ко мне теплые

чувства, – передернулся Иисус. – Мне сказали, что он велел убить всех младенцев до двух лет в Вифлиееме, чтобы наверняка уничтожить меня...

– Какая чушь! – расхохотался Матвей Матвеевич. – Во-первых, не Ирод Иродович, а я, во-вторых, не до двух, а от двух, а в-третьих, не убить, а... Впрочем, это несущественно. Ирод Иродович вас очень любит, и надеется, что вы ответите ему тем же. Вы ведь готовы к любви?

– Я не особо хорошо знаю тетрарха Иудеи, – замялся Христос. – А что по поводу нашей встречи думает его руководство?

– У Ирода Иродовича есть руководство? – голубые глаза Матвея резко заледенели и превратились в стальные.

– Ну да, – бесхитростно сказал Иисус. – Император Тиберий и Синедрион.

– Совсем распоясался, божья морда, – хладнокровно произнес Матвей и, схватив правой рукой Иисуса за шею, поднял сына Божьего, как перышко.

– Наш великий Царь Иудейский, несравненный император Ирод Иродович не имеет властителей над собой! Даже он сам не вполне собой владеет, не говоря уже об других императорах! – продолжил он, впившись хищным взором в апостолов и не обращая никакого внимания на трепыхающегося в его правой руке Христа. – Первосвященников Синедриона, поураганивших в нашей стране в лихие дорождественские мы всех давно публично распяли! Я не позволю клеветать

на нашу великую империю! Если вам что-то не нравится – валите из Иудеи!

– Вам не идет роль идейного комедианта, – выступил из толпы притихших апостолов элегантно одетый бородач. – Лицедей из вас так себе. Мы все здесь знаем, что Синедрион существует, совершенно этого не скрывает, и вся Иудея рабски батрачит на яхты, дворцы, наложниц и прочие богатства первосвященников, а ваш Ирод Иродович – не более, чем их обслуга. Отпустите ребе Иисуса, придушите еще, где вы для ваших целей нового сына Божьего найдете?

– Кто таков? – остановил Матвей левой рукой синхронно вытащивших кинжалы бугаев. – Чем ты дышишь?

– Если вы написали биографию Христа, вы обязаны меня знать, – усмехнулся бородач. – Я – Иуда Искарот, проповедник, и также, как и вы, биограф и апостол Христа. Что вам действительно нужно от нашего вечно пьяного, лицемерного и развратного ребе?

Матвей Матвеевич швырнул Иисуса под ноги ослу. Осел тревожно заржал.

– Так что вы думаете о Иудее, Иисус Иосифович? – подчеркнуто любезно спросил Матвей.

– Великая империя, руководимая сверхчеловеком! – прохрипел Христос, ощупывая горло. – Ирод Иродович может одним взглядом испепелить любого врага и воскресить союзника! Да святится имя его, да пребудет царствие его! На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрас-

ной для людей власти, чем власть императора Ирода! Предатели, книжники и фарисеи, клеветующие, будто бы он не является полноправным правителем Иудеи, а впоследствии всего мира, сдохнут в адских муках! А любящие его попадут в рай!

– Вон чего полезло! – удовлетворенно сказал Матвей Матвеевич, хрустнув кулаком. – На благодатную почву бросил я семена!

– Тебе все еще нужно объяснять, что мне нужно от вашего Учителя? – обратился он к Иуде.

– Все предельно ясно, дело нехитрое, – ответил Искарот. – Я, зная ребе Христа, ничего другого от него не ожидал...

– Вот и прекрасно, – вновь радушно заулыбался Матвей. – Ну, что, божья морда, поехали к сверхчеловеку?

– Жажду восхититься его умом и кругозором, а также пропитаться его силой и уверенностью! – вытянулся в струнку Христос.

– Давно бы так! – одобрил Матвей. – Ладно, ребятки, мы с вашим Учителем поедем, а вы пока прокатитесь на яхте «Паллада» до вашего нового дворца – колыбели христианства!

– И кто же нас туда проводит? – с нескрываемым сарказмом спросил Иуда.

– Я разве не сказал? – хлопнул чистыми голубыми глазами Матвей Матвеевич. – Ваши новые соратники, апостолы

Петр и Андрей! Не так ли, ребятаки? – обратился он своим амбалам.

– Так точно, товарищ подполковник! – отдали честь новые апостолы.

– Вы знакомы с моим учением? – упавшим голосом спросил Христос.

– Так точно! – заявил свежеиспеченный апостол Андрей. – Мы в христианстве не новички!

– То есть, вы готовы построить храм новой веры? – переспросил Иисус.

– Так точно! – ответил апостол Петр. – Можем хоть каждый день по храму строить! Длину шпиля какую будем делать?

Христос закатил глаза.

– Что вы от них хотите, Иисус Иосифович, – проворковал Матвей. – Солдафоны, бывшие братки! Но ловцы чело-
веков прекрасные, от них не скроешься! К тому же сотрудни-
ки вернейшие и преданнейшие!

– Предавать мы умеем, – хмыкнул Петр.

– Братки, как я полагаю, это братья? – заинтересовался Христос.

– Кровные, – вздохнул Матвей. – И вот еще...

Он поманил к себе полуголую спутницу Иисуса.

– Тебя как звать? – спросил Матвей.

– Маша, – пискнула та.

– Почем? – выразительно взглянул на нее апостол.

– Два сестерция в час, – смутилась та.

– Молодежь, да что вы, в самом деле! – всплеснул руками Матвей Матвеевич. – Одна на всех и за такие гроши! Петя, Андрюша, обеспечьте им на каждого по паре вип-гетер, от десяти тетрадрахм в час! И себя не забудьте!

– Пройдемте на «Палладу», коллеги, – положил апостол Петр тяжелые лапы на плечи апостолов. – Она уже под парусом! Рыбки вместе поудим, только триппер не поймайте! Ключи от бара у меня, если что...

– Попутного ветра! А ты, апологет нравственности, заползай в колесницу, – скомандовал Матвей Матвеевич. – Быстрей шевели булками, Ирод Иродович ждать не любит...

Христос, почему-то вспоминая нищенские, полуразрушенные и грязные иудейские провинции, шествовал по колоссальному, безумно дорогому и настолько же безвкусному дворцу в сопровождении прихрамывающего Матвея Матвеевича. Увидев огромный зал, заполненный мумифицированными головами на пиках, он невольно остановился.

– С Иродом Иродовичем лучше дружить, – кивнул апостол и подтолкнул перетрусившего Иисуса в следующий зал. В нем находились несколько десятков воинов, вытянувшихся во фронт при виде товарища подполковника.

– Тетрарх у себя? – буднично спросил Матвей.

– Так точно! – выкрикнул старший по званию.

– Тетрарх? – ошеломленно перепросил Христос.

– Для меня – да, – загадочно произнес апостол и открыл дверь, обитую человеческой кожей. За дверью находился небольшой зал, в котором на золотом троне восседал маленький лысоватый старичок, что-то прихлебывающий из белой, украшенной орлом, кружки с крышечкой. Старик был одет в роскошную, ослепительно белую тогу, покрытую пурпурной порфирой, лавровый венок венчал его плешивую голову. Но больше всего Христа изумило то, что лицо старичка было точной копией лица Матвея Матвеевича. Лишь тусклые серые глаза старика не слишком напоминали горящие ярко-голубые глаза нового апостола и биографа сына Божьего.

– Как такое возможно? – булькнул Христос.

– А вот так! – театрально развел руками Матвей. – Хороший пес всегда похож на хозяина!

Иисус не понял намеренного самоунижения своего куратора и удивился, когда великий и ужасный Ирод Иродович обиженно закаменел лицом.

– Матвей Матвеевич у нас большой шутник, – надтреснуто произнес тетрарх Иудеи.

– Самый большой шутник у нас император Тиберий, – усмехнулся Матвей. – Три года у власти, и все оккупацию не может снять, все ему Понтий Пилат с Синедрионом не дают, всесильному и всемогущему! А он, разумеется, всей душой готов! Что он тебе опять напел, Ирод?

– Не надо, все было конструктивно, у нас с ним химия, – отмахнулся Ирод Иродович. – Похлопал меня по плечу, руку

пожал, решили еще встретиться...

– Встречайтесь сколько угодно, хоть поженитесь! А то ты все на стране тридцать три года женат, хоть немного отдохнуть ей дашь. Но оккупацию пусть твой химический друг снимет! – нахмурился Матвей. – Дамаск, конечно, исконно наш, но ты ведь стоял на коленях, убеждал Тиберия, как сильно ты хочешь его вернуть?

– Не берут, – покачал головой Ирод. – Говорят, что мы его так загадили, что он им даром не нужен.

– Великий дипломат, – закатил глаза Матвей. – Что бы ты без меня делал, морда имперская? Я тебе Спасителя привел, основателя новой религии, который принесет нам свет христианской истины!

– Вот это? – скептически осмотрел Иисуса Ирод и поморщился. – Негусто...

– Весь в папашу, что тут поделаешь! – вздохнул Матвей. – Ну что, просвещенный проповедник, ты ведь решил завтра подарить этим невежественным зверям-иудеям откровение Божье и произнести Нагорную проповедь на горе Голгофе?

– Я точно так решил? – пролепетал Иисус.

– Когда я тебе врал, божья морда? – удивился Матвей. – Точно, не сомневайся. Только надо отрепетировать, а Ирод Иродович у нас побудет фокус-группой.

– Не хами, евангелист, – осадил апостола тетрарх. – Так что ты там хочешь произнести, сын Божий? Давай свои писюльки, согласуем, процензурируем...

– У меня нет письменной речи, – застеснялся Христос.

– У меня все записано, не бойсь, – сказал Матвей и достал томик в обложке из кожи ягнёнка. – Ты откуда начнешь, из Ветхого завета, или из Нового?

– Я думаю, сначала следует освежить в людской памяти заповеди моего отца, – чуть уверенней сказал Христос.

– Освежить? Их даже я не помню, не то, что эти людишки, – усмехнулся апостол. – Так, значит из Ветхого...

– Будучи в здравом уме эту книжонку перечитывать нелепо, – заметил тетрарх.

– Намек понял! – радостно улыбнулся Матвей, достал пакетик с порошком, дал нюхнуть Ироду и впился в пакетик сам.

– Фантастический кокс! – захихикал Ирод. – Где достал?

– Аргентинский, Гундяев прислал, – медленно, но весело произнес Матвей.

– Кто этот достопочтенный господин? – вежливо спросил Иисус, с интересом принохиваясь.

– Вы незнакомы, – отмахнулся подполковник. – Он в тебя даже не верит. Так, мозг вывернут, можно заповеди читать. Что там твой папаша накреативил? Что? У него совсем IQ отрицательный или у него тогда передоз был? Так, божья морда, это ниже плинтуса. Вообще не годится.

– А что не так? – вежливо переспросил Иисус.

– Все не так! – отрезал Матвей. – Начнем с первой. Папаша твой, конечно, ревнитель и завистник, и вообще существо

мелочное, но какое наглое! Наглее меня! Это же надо выдумать – да не будет у тебя других богов! Храмы и жертвенники всех других богов сжечь, священные рощи вырубить! Помню, когда он этот божественный геноцид придумал, Аллаха с Буддой и Зевсом прилетели, хотели ему карму начистить, так он от них пару вечностей в своем астрале прятался. Так, первую вычеркиваем. Возражения есть?

– Никак нет! – синхронно произнесли Иисус и Ирод.

– Теперь вторая, – вошел в цензорский раж Матвей. – Он еще больший наглец, чем на самом деле! Не сотвори себе кумира, каково, Ирод Иродович?

– Это уже на неуважение к власти тянет, – помрачнел Ирод. – Христос, у тебя есть кумиры?

– Великий Ирод Иродович! – подобострастно залебезил Иисус. – Вы излучаете такую добрую и мощную энергию в мир, что все рядом присутствующие могут в секунду излечиться от самых неизлечимых болезней. Ваша сила нужна сейчас всей Иудее, да и всему миру конечно.

– Видал, что я тебе привел, кумир ты наш? – осклабился Матвей.

– Вычеркивай, апостол, – добродушно сказал сверхчеловек.

– Дальше, вот эгоистина наглая, все о себе, да о себе, всеу, видите ли, имени его не упоминать. Все уже забыли, как его звать, Яхве или Иегова, а он все права качает...

– Вычеркивайте, – твердо сказал Иисус.

– Павлик ты мой Морозов! – расплылся в улыбке подполковник. – Теперь, тунейдцам на заметку, не пашите, мол по субботам! Рабы, мол, не мы! А если хозяин прикажет?

– Это уже подрыв государственных устоев, – нахмурился Ирод. – Единственно верный строй – рабовладельческий! Феодалная идея давно изжила себя...

– То-то ты пашешь, как раб на галерах, – усмехнулся апостол.

– Не раскачивай лодку! – недобро посмотрел на него Ирод.

– Заповедь вычеркиваю! – сменил тему Матвей, не спрашивая согласия Христа. – Дальше, мать твою...

– Заканчивай сквернословить, ты не в храме, – нахмурился Ирод.

– Да нет, тут надо мать твою и отца своего обязательно почитать! Ирод, ты что, своего отца почитаешь?

– Этого алкаша старого? – возмутился тетрарх. – Маньяк антинародный! Риму сапоги лизал, такую страну развалил!

– Если бы не он, ты бы до сих пор в Вифсаиде еду воровал! – парировал Матвей и без паузы спросил. – Иисус, а ты твою мать почитаешь?

– Редкостная бл... блудница она, прости, Господи, – вздохнул Христос.

– Какие мы тут все христиане, – покачал головой апостол. – Вычеркиваю! Так, ну дальше беспредел в натуре! Не убий, мол! А если они на законную власть клеветуют, стуча

копытами? Мочить всегда, мочить везде – вот лозунг мой и Иудеи!

– Вы не волнуйтесь, тут у меня человек есть, он подредактировал, – порылся в складках тоги Иисус и вынул кусок козлиного пергамента. – Вот, если убьет кто по воле Бога, убийство это лучше всякого человеколюбия. Если и помирует кто из человеколюбия вопреки тому, что угодно Богу, – недостойнее всякого убийства будет это помилование. А поскольку любая власть – от Бога, то проблем с резней от его имени у нас нет!

– Что же твой папаша в первой редакции сам этого не сочинил? – саркастически спросил Ирод. – Что за неконкретный такой, что его нужно редактировать, толковать, да выявлять, где тут метафора, а где не пришей ослу хвост? Нет, нам нужно все чисто конкретно! Вычеркивай, Мотя!

– Уже, Ира, – отозвался Матвей. – Чем дальше в лес, тем больше дубин и пней, особенно дятлов! Прелюбодеяние, ему, видите ли, помешало! Сам не может и другим не дает!

– Может оно и хорошо, – засомневался Ирод.

– Почувствовал родственную душу и вялый фаллос! – хохотнул апостол. – А если, к примеру, разведчику в тылу врага нужно выведать тайну, от которой зависит судьба его Родины? А тайны у нас только через постель передаются!

– Если с этой позы, тьфу, позиции, то согласен, – кивнул Ирод. – Вычеркивай!

– Я тоже согласен, – угодливо сказал Христос.

– Да кто тебя спрашивает, эксперт по прелюбодеянию, – отмахнулся Матвей. – Так, гвоздь программы! Не укради!

Ирод громко загоготал, Христос тоненько захихикал.

– А если, – с наигранным пафосом произнес апостол. – Разведчику в тылу врага нужно украсть секретные документы, от которой зависит что?

– Судьба Родины, Штирлиц ты наш, – Ирод утер выступившие от смеха слезы. – Вычеркивай!

– Теперь, видите ли, не лжесвидетельствуй! – продолжил фарисействовать Матвей. – А если разведчику в тылу врага нужно обелить своего товарища по борьбе?

– Тыловой ты наш, что ты на тылу сегодня зациклился? – вновь засмеялся Ирод. – Деток сегодня с утра мало доставили?

– Кто из приличных и умных людей в Иудее не разведчик в тылу врага? – неожиданно грустно сказал Матвей. – Так, про нежелание чужих жен и ослов тоже понятно?

– Да уж, чужие жены, особенно ослы, знают столько тайн, от которых зависит судьба Родины, – сказал Ирод. – Раздолье для разведчика!

– Я прошу, хоть ненадолго, грусть моя, ты покинь меня, – мелодично запел Матвей, нюхнув аргентинского кокаина и спрятав томик в обложке из кожи ягнёнка. – Так, все вычеркнули, остается... Что, собственно, остается, основатель христианства?

– Общей концепции я еще не придумал, – прокашлялся

Христос. – Я исцелял больных, ходил по воде, превращал воду в вино...

– Нам нужны не клоуны, а пропагандисты! – нахмурился Ирод. – Идея у тебя хоть какая-нибудь есть? Ты хоть что-то говорил, или все время вином нажирался, хлебами закусывая?

– Покайтесь мол, пришло царствие Небесное и я, Царь Иудейский... – проямлил Иисус.

– Кто-кто? – вкрадчиво спросил Ирод.

– Ну ты и оборзел, божья морда! – оскалился Матвей. – Ты еще не въехал, что кесарю - кесарево, а богу – богово?

– А народу – фаллос с солью! – проскрежетал тетрарх.

– Конечно-конечно, – пролепетал Иисус. – У меня как раз про это, не хлебом, мол, единым... Конечно, вы, Ирод Иродович, царь и бог! Я так, согласен быть всего лишь главой христианской церкви. Я хотя бы на беспощинную торговлю могу рассчитывать? Вином там, или табачком, для церковных нужд?

– Губа не дура! – присвистнул Ирод. – Святой, а соображает!

– На духовность не жалко, лишь бы на нас и за нас молился, – успокаивающе сказал Матвей. – У тебя, морда имперская, казна и так от золота лопается, Синедрион даже половину доходов не успевает красть. А если рядовым иудеям достанется? Они ж от злата окультурятся, мысли в башке заведутся, и тебя, лидер нации, на вилы поднимут, распнут или

в Иордане утопят! Так что эта божья морда сейчас кстати. А что своей концепции нет, так это правильно. Я тебе уже все написал. К утру выучишь от сих до сих! А сейчас прочитай! Читать-то умеешь, сын Божий?

Апостол снова достал томик в обложке из кожи ягнёнка, вырвал несколько страниц и протянул их основателю христианской церкви. Христос, не вступая в опасную полемику, с выражением прочитал сочинённую Матвеем Нагорную проповедь, а Ирод с товарищем подполковником полностью одобрили его исполнение.

– Разбавь это водой про нашего великого императора и национального лидера, пригрози лихими дорождествоскими, и пропаганду нищеты, про неединый хлеб, усиль! Жрите, мол, песок и радуйтесь духовности! Ну, не мне тебя учить, ты парень способный, – скомандовал Матвей.

– Будет сделано! – вытянулся Христос.

– Вы нас завтра почтите своим присутствием, Ирод Иродович? – полувопросительно приказал апостол. – Бог – вам, вы – богу. Скажете пару слов о том, что учение Христа все-ильно, потому что оно верно?

– Куда деваться, подопрём друг другу имидж, – согласился Ирод. – Ты там будешь?

– Я человек маленький, в толпе постою, – скромно улыбнулся Матвей.

Основатель христианства и его куратор попрощались с тетрархом иудейским, и, пройдя семь этажей помпезного

дурновкусия, очутились на свежем воздухе.

– Я оправдаю ваше высокое доверие, Матвей Матвеевич! – горячо сказал Иисус. – Я проявлю такую духовную заботу о простых иудеях, что они о стяжательстве и думать забудут! Только нищета, только духовность! Одним из самых страшных пороков является сытость!

– Ты только не вздумай эту муру вещать тем иудеям, о которых не ты, а Ирод Иродович, не покладая языка, заботится, – мрачно сказал Матвей. – Ратенбергам, Виксельбергу, Абромовичу и прочим первосвященникам...

– Я даже не сомневаюсь, что после забот Ирода Иродовича жизнь этих достойных господ похожа на чарующую сказку, – завистливо сказал Христос.

– Зря не сомневаешься, – отрезал Матвей. – Плохо, очень плохо он о них заботится в последнее время, поэтому ты и понадобился! Если он так и будет про свои рывки и прорывы лопотать, пока Тиберий тихонько наше золото отжимает, то мы его, как обычно, двойником заменим, а самого живьем зароем!

– Как обычно? – переспросил Иисус. – То есть, были прецеденты?

– Неоднократно, – буркнул Матвей.

– То есть, на самом деле этот человек... – начал Иисус.

– На данный момент этот человек – великий император Иудеи Ирод Иродович, – успокаивающе сказал Матвей. – Но если он будет продолжать так вести дела, то Иродом Иродо-

вичем опять станет какой-нибудь тройник или удлинитель! Хоть мне Иродом Иродовичем становиться, хоть мелковато это и хлопотно...

– Почему вы так похожи на Ирода Иродовича? – набравшись смелости, спросил Христос.

– Ну ты и придурок, божья морда! – расхохотался Матвей Матвеевич. – Ты до сих пор не понял, что это не я похож на него, а он похож на меня?

Толпа у подножия Голгофы то ликующе шумела, то восторженно вопила. Христос, официально одобренный стоящим рядом Иродом Иродовичем, вещал свои холуйские трюизмы с неподдельной страстью. Народу сын Божий нравился. Ирод Иродович, одобренный Богом в лице Иисуса и получивший беспримерную порцию лести от того же святого лица, горделиво-державно улыбался.

– Сребролюбие есть опасная духовная болезнь, когда стяжательство становится страстью! Ропщущие, что нет денег у них, и винящие в этом нашего святого Царя Иудейского, Ирода Иродовича, есть бесплодная смоковница, которую проклял Господь! – орал в мегафон Христос. – Не собирайте себе сокровищ на земле и небе, ваше сокровище – ваша великая Иудея, ваш чистый сердцем император, ваши духовные скрепы! Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело одежды? Помните – удобнее верблюду

пройти сквозь игольные уши, нежели деньги имеющему войти в Царствие Божие. Если богаты вы – раздайте свои имения бедным! А еще лучше – вступайте в нашу первохристианскую общину, братья и сестры! Продайте свои имения, дворцы, скот и земли, принесите всю цену проданного и положите к ногам моим или апостолов моих, и каждому дастся то, в чем кто имеет нужду. Вступайте в нашу общину, иудеи! И не судите императора и власть предержавших, и не судимы ими будете! Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри – волки хищные! Если к власти придут они, развалится наша великая империя и мы упадем в лихие дорождествоские, в нищету и хаос! И придут на нашу землю римские легионеры, насиловать детей наших! Поэтому этих книжников и фарисеев нужно сжигать, распинать, мочить зверски! Знайте – с нами истина, с нами Ирод! Есть Ирод – есть Иудея, нет Ирода – нет Иудеи! Помните, нет среди вас господ, вы рабы Божьи! Рабы, повинуйтесь господам вашим со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как мне, как Богу, как несравненному Ироду Иродовичу!

– Господин! – рухнул перед Христом на колени бедно одетый иудей. – Я добываю в поте лица своего хлеб шестнадцать часов в день, получаю один сестерций ежемесячно, что еще неплохо для нашей сверхдержавы, ни на что не хватает, почти не ем, одна душа осталась! Но случилась беда у меня, умерла от голода мать моя. И не что мне похоронить ее. Что мне делать, господи?

– Пусть мертвые хоронят своих мертвецов! – туманно ответил Христос и продолжил свою христианскую логорею. Апостолы Петр и Андрей восприняли его ответ, как руководство к действию, втихую оттащили бедняка подальше от толпы, где и привычно прирезали человека, имевшего глупость о чем-то просить святого Христа.

Тем временем толпа зашла в овацях. Из толпы вышел сияющий Матвей Матвеевич и поцеловал Иисуса взасос.

– Можешь же, божья морда, когда хочешь! – покровительственно сказал он. – Все, давай власть над храмами забирай. Эти лохи тебе сейчас родных детей отдадут, не то что религию!

– Скажите мне, иудеи, – прорыл Христос. – Мои ли храмы иудейские? Или хотите вы вертепами торгашей и разбойников сделать их?

– Храмы – Христу! Имена – общине! Фарисеев – в землю! – заорали из толпы.

– Тогда направляюсь я в храм свой, в дом Отца моего! – величественно сказал Иисус.

К Христу подкатила его новая безлошадная колесница, переливающая мигалками на крыше. Апостол Петр отворил Иисусу дверь, и основоположник новой религии опустился на мягкое сиденье, обтянутое кожей ягненка.

– Трогай! – величественно бросил Христос.

Колесница пронеслась к ближайшему храму со скоростью света. Христос, в сопровождении апостолов, вошел в храм

и осмотрел свои владения. Внутри храма сидела группа мусульман, продававшая свечи, подсвечники, пергаменты, вина, благовония и драгоценности.

– Вот бандиты! Из дома Бога торговый дом сделали! И со мной не делятся! – возмутился Христос. Петр и Андрей, молча достав кинжалы, двинулись в сторону торговцев.

– Спокойно, дорогой! – замахал жирными руками главный торговец. – Зачем сразу резать? Не бараны же сидят! Вижу, ты человек уважаемый. Так почему бы двум уважаемым людям не договориться?

– Ты с кем смеешь говоришь, иноверец вшивый! – загремел Петр. – Перед тобой сын Божий, глава христианской церкви, святой бессребреник!

– Вижу, дорогой, что бессребреник, – торговец оглядел шитую золотом тогу и пурпурную мантию Иисуса, отметив про себя, что только за Христовы одежды можно купить несколько храмов со всем содержимым. – Вижу, что святой. Так что же мне со святым не поделиться? Делиться-то надо?

– Надо-надо! – угрожающе сказал Христос. – Весь ваш товар я забираю, им будут торговать мои люди. Хотите торговать в храме – платите треть с выручки!

– Святое предложение, мой господин, – поклонился торговец. – Но у меня есть встречное. Платить мы будем исправно и товар мы тебе отдадим. Хотя, могли бы и не отдать, и много крови могло бы сейчас пролиться, бессребреник вы наш. Но наши драгоценности и благовония, как бы это ска-

зять... Не всегда подлинные, что греха таить. Могли бы мы продолжать ими торговать под твоей крышей? В смысле, под крышей твоего храма!

– Договорились! – решительно сказал Христос. – Только никакого вертепа! Все по закону Божьему!

– По какому, господин? – переспросил торговец.

– По моему закону! – значительно сказал Христос.

– Сделаем, уважаемый, – успокоился торговец. – Как родному тебе скажу – у нас просто переизбыток медных драгоценностей, по странности принимаемых прихожанами за золотые. Нам бы расширить торговлю... Сильно расширить. Тебя не обидим, уважаемый, даже не сомневайся!

– Петя, – задумался Христос. – Что ты там про строительство одного храма в сутки говорил?

– Сделаем, – равнодушно сказал Петр. – Где следующий будем ставить?

– Поставим в Гефсиманском саду, место людное, – ответил Иисус.

– Оазис, гуляющих и отдыхающих много, могут начать роптать, – предположил Петр.

– Я надеюсь, вы с ропщущими бесами, безбожникам и фарисеями разберетесь, не так ли? – зловеще сощурился Христос.

– Так точно! – отдали честь апостолы.

Огромный дворец первой христианской общины распола-

гался в красивом, прохладном и тенистом парке. Мраморные статуи и фонтаны, созданные лучшими скульпторами мира, услаждали взор Христа и апостолов. Внутреннее убранство дворца превосходило внешнее. Стены и колонны дворца были из дорогих сортов мрамора, в облицовку были вставлены украшения из рубинов и сапфиров, обрамленных кипарисом и красным деревом.

– Так, Анания, – грозно произнес сидящий на золотом троне Христос. – Значит, говоришь, продал свое имение, чтобы вступить в нашу общину? Вся ли стоимость имения ты кладешь к моим ногам?

– Точно так, Господи! – улыбнулся скромно одетый мужчина. – Жажду служить тебе и стать истинным христианином!

– Согласно моим сведения, Анания, – прошипел Иисус. – Ты продал свое имение за полторы тысячи динариев. Мне же к ногам ты кладешь всего тысячу четыреста! Ты думал, лоха нашел? У меня в налоговой все схвачено!

– Господи! – пустил слезу Анания. – Каюсь, отложил на черный день...

– Твой черный день уже настал, Анания! – взревел Христос. – Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать мне и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажей не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человеку, а Богу! Петя, Андрюша, фас!

Из-за спины Христа молча вышли двое верных апостолов и привычным жестом перерезали горло гнусному обманщику.

– Вынесите это во двор и швырните псам, – распорядился сын Божий. Петр и Андрей завернули тело в саван и вынесли труп за дверь.

– Извини, Господи, я опоздала, – молодая девушка зашла в общину. – А где мой муж?

– Сапфира, что это согласилась ты с мужем искутить сына Божьего? – зло усмехнулся Иисус. – Вот входят убившие мужа твоего! И тебя они вынесут!

Вошедший Петр молниеносно оценил ситуацию и его окровавленный кинжал вонзился в горло Сапфире. Кровь брызнула и капля неосторожно попала на щеку Христу.

– Коновалы, – брезгливо сказал сын Божий. – Вынесите эту тушку, а я пока ванну приму. Как утомительно принимать этих кандидатов в христиане...

Христос перешел из приемного зала в свою роскошную мраморную баню, обложенную порфиром, и погрузился в ванну из розового мрамора, наполненную миррой. В ванную вошел Иуда с парой бутылок фалерского вина и куском мяса антилопы.

– Тяжелый день, Учитель? – участливо спросил Искарот, протянув Иисусу кубок с вином.

– Не говори, – отпил вина Христос.

– Не захотели по-христиански этих несчастных Анания и

Сапфиру простить, – заметил Иуда.

– Это было бы некорректно и неудобно Господу нашему, – вздохнул Христос. – Такова уж моя Христова доля – исполнять Божью волю...

– Пока вы исполняете волю этой глумящейся нечисти в черном хитоне, – сказал Иуда.

– Так он же власть! – поперхнулся Христос. – А власть – от Бога. Так что, как ни крути, именно Матвей Матвеевич – засланец Отца моего.

– Так в чем суть нашей христианской миссии, Учитель? – спросил Искарот.

– Как в чем? – воскликнул Христос. – Сделать людей добрее и чище, а их жизнь сделать лучше!

– Получается? – с нескрываемым сарказмом спросил Иуда.

– Что тебе нужно, Искарот? – ушел от ответа Иисус.

– Надоело быть эскапистом, – вздохнул Искарот. – Вы смешны и страшны, но мне надоело смеяться и страшиться. Я думал, что я над схваткой, а схватки нет, не было и не будет. Но я, как не грустно, все же благородный воин. Мне надоело греть свою пищу около огнедышащего дракона. Пора выпрыгивать из своей башни из слоновой кости и обнажать меч...

– Как я ждал этого, дурашка, – облизнулся Христос. – Ну иди же ко мне, обнажай свой меч...

– Сколько же нищих можно было бы обогатить, лишь про-

дав мирру из вашей ванны, – переменял тему Иуда.

– Нищих всегда имеете с собою, а меня не всегда, – улыбнулся Иисус. – Что же ты не раздеваешься, глупый?

– Ваше здоровье, Учитель, – Искарот расхохотался и выпил до дна. Христос последовал его примеру.

– Как вы считаете, Учитель, – спросил Иуда. – Гений и злодейство – вещи несовместные?

Очи сына Божьего накрыла тьма, сердце сжал леденящий холод.

– Предатель, – прохрипел он и выпустил кубок из рук.

– Тебе пора к папе, бесовский холуй, – спокойно сказал Искарот и закрыл Христу глаза. – Хорошо, что в ванне мирра, тело заранее готово к погребению...

Святилище, 33 год от Рождества Христова

– Ну что, же Вседержитель, результатов мы под вашим чутким руководством достигли, – попивая нектар, доложил Святой Дух.

– Каких еще результатов? Отстаньте все от меня! Как же вы мне все надоели, – заныл Господь. – Дайте покоя, хоть на десяток вечностей!

– Ваши земные дети любят вас в значительно больших объемах, чем до Рождества Христова, – не обращая внимания на капризы Вседержителя продолжил Святой Дух.

– А я их нет! – зло заявил Господь.

– Правильно, что вы, педофил, чтобы детей любить? –

усмехнулся Дух. – Но рейтинг ваш уверенно растет, таким отпетым христианином ваш сынок оказался, просто до жути духовным. Но до Аллаха с Буддой вам еще расти и расти, дорогой Творец!

– Нет, этих надо перегнуть! – зло сказал Господь. – Я же завидую!

– Нет ничего проще, Вседержитель! – сказал Дух. – Гонимые жертвы еще более популярны, чем кровавые тираны. Разумеется, при условии, что жертва – бывший тиран. Если ваш отпрыск безвинно умрет за вашу веру, Аллах пожелтеет от зависти, а Будда почернеет.

– Так за чем дело стало! – возбудился Творец. – Мочи сынишку! Только безвинно, за веру, и как жертву.

– Ничего, что я здесь? – раздался в углу обиженный голос и к Господу шагнул сын Божий. – Вы так просто рассуждаете о моей смерти?

– Ну ты и оперативный! – похвалил Духа Господь. – Только замыслил его убить, а он уже!

– Да нет, его через два дня распнут, он здесь случайно, – сморщился Дух.

Христос, прикрывая глаза от слепящего света, подошел к Господу.

– Так вот ты какой, папа, – оглядел он брюхо и лысину Творца. – Небогато...

– Родителей не выбирают! – втянул пузо Вседержитель.

– Вам пора обратно, Иисус Иосифович, – процедил Свя-

той Дух.

– Кого-то вы мне напоминаете, – пригляделся Христос сквозь лучи света.

– Вы обознались, – заявил Дух. – Вас скоро заберут обратно, не волнуйтесь!

– Я волнуюсь, и обратно не пойду! – взвизгнул Иисус. – Вы замыслили меня убить, не просто убить, распять! Я не согласен, это больно!

– В кого он такой debil? – развел руками Господь. – Что же я, родному сыну все тело не обезболю? Ты ничего не будешь чувствовать, кроме гордости за свое геройство! А потом мы тебя воскресим и иди на все четыре стороны, становись кем хочешь! Хочешь, Русь иди крестить огнем и мечом...

– Кто такая Русь? – заинтересовался Христос. – Симпатичная?

– Не очень, – проконсультировал его Святой Дух. – Зато очень внушаемая, очень богатая и очень терпеливая. Будешь там жить в Соломоновой роскоши в окружении нищих холопов, хочешь, Владимиром Красное Солнышко, хочешь, Владимиром Владимировичем! Неси ахиною про державность-духовность, и все у тебя будет волшебно!

– Согласен, – повеселел Христос. – Только я не понимаю, если мое тело обезболят, а я воскресну, в чем тогда моя жертва, геройство и подвиг?

– Верующие в вас не умеют складывать два плюс два, по-

этому и верят в вашу святость, мудрость и бескорыстие, – с иронией сказал Дух. – Кто враг разуму – тот друг Богу. Поэтому ваш рейтинг и растет, Вседержитель.

– Папа, это вообще кто? – спросил Иисус, всматриваясь в едва видимый силуэт Святого Духа.

– Дух это, – мрачно ответил Господь. – Очень святой и очень разговорчивый. Дух, давай, вертай мое чадо взад!

– Будет исполнено, – поклонился Дух и щелкнул пальцами.

Иудея, Иерусалим, 33 год от Рождества Христова

– Очнулся, божья морда? – прогремел над Христом трубный глас Матвея Матвеевича. Христос застонал и открыл глаза. Рядом с вездесущим Матвеем стояли Петр и Андрей, крепко держащие избитого до крови, но все равно извивающегося Иуду.

– Да, я не только убивать умею, но и воскрешать тоже! – похлопал Иисуса по плечу его куратор. – Правда, ненадолго...

– Где цыкату купил, морда христопродажная? – грозно спросил Матвей Иуду. – В Соломоновом храме или в Гефсиманском?

– В Иродском, – сплюнул выплюнул окровавленный зуб Искарот.

– Да, там ее хорошую продают, а какой там кокаинчик, почти гундяевский! – причмокнул Матвей. – Как же ты та-

ким безбожником стал, христуубивец? Просто воинствующий атеист какой-то, хоть сразу в ад!

– Да, я против рабства, убийств, агрессии, нетерпимости, нищеты и злобы, – грустно сказал Иуда. – Следовательно, я против Бога...

– Инквизиции на тебя нет, – покачал головой Матвей. – Представляешь, божья морда, эта тварь продала тебя римским властям за тридцать динариев?

– Да вы что? – синхронно удивились Иисус и Иуда.

– Святой истинный крест, – хладнокровно сказал подполковник. – Так что благородное имя Ирода Иродовича не пострадает, тебя, божий сын, распнут римляне, как врага Римской Империи! Ирод Иродович против, он глубокую озабоченность выразил.

– Как же Тиберий согласился себя опозорить убийством сына Божьего? – заинтересовался Христос.

– Во-первых, Тиберий тоже против, все свалим на Пилата. Тоже мне, независимый прокуратор, он у нас давно в печенках сидит! А во-вторых, чтобы тебя, как врага Рима, распять, Ироду пришлось раз пять перед Тиберием на коленях постоять! Я в качестве дополнительного аргумента напомнил Тиберию, что мы много лет оказываем ему громадную услугу. Мы, богатая страна, с кучей талантов и ресурсов, добровольно стали безнадежно отсталой и убогой провинцией на задворках великой Римской Империи! Мы только воем о своем несуществующем могуществе как можно громче, чтобы

себя же оглушить...

– Так зачем вы убиваете собственную страну? – спросил Иуда.

– Это наш особый путь! – развел руками Матвей Матвеевич. – И он нам нравится!

– А народу? – сжал окровавленные губы Искарriot.

– А народу – фаллос с солью, как говорит наш мудрый император! – взревел Иисус. – Не тебе судить нас, хриstopродавец!

– Кому же как не мне? – сощурился Иуда.

– Разговорился, морда хриstopродажная, – гневно сказал Матвей. – Я вообще удивлен, как тебя возмущенные граждане до сих пор не зарезали!

– Так зарежут, товарищ подполковник? – полувопросительно спросил Петр.

– Давно пора, – раздраженно сказал биограф Христа. – Выполняйте, майор!

Петр и Андрей втащили упирающегося Иуду за дверь, ведущую на задний двор.

– Вот ведь хриstopубийца богомерзкий, – покачал головой Матвей. – Тебе тоже надо к распятию готовиться, сакральная жертва!

– Ладно, если тело обезболят, почему бы и нет, – сказал Христос. – Когда у нас эта процедура?

– Сначала по плану у нас тайная вечеря, – Матвей Матвеевич достал томик в обложке из кожи ягнёнka и начал чи-

тать, – Потом предательство...

– Меня кто-то еще предаст? – возмутился Иисус.

– Не волнуйся, в нашей Иудее с продуктами перебои бывают, но с предателями – никогда! – успокоил его Матвей Матвеевич. – Потом римские легионеры посадят тебя в тюрьму...

– Я в тюрьму не пойду! – возмутился сын Божий. – Там насильники!

– Размечтался, – хохотнул апостол. – Двухкомнатная камера с мраморной ванной ждет вас, Иисус Иосифович! Вип-гетер любого пола также обеспечим, если будет желание. Напротив камеры – бар «У Ирода», где всегда отменное фалерское, не чета кислятине, которую ты из воды создаешь. Переночуешь с комфортом, а утром, вместо утренней зарядки – утреннее распятие, потом воскрешение, и свободен!

– План этого мероприятия меня устраивает, – важно сказал Христос.

– Да кто тебя спрашивает, – сморщился Матвей, – Давай, иди, организовывай тайную вечерю, основатель христианства!

Иисус, кивнув, вышел в основной зал. Из-за двери на задний двор появился Петр.

– Уже, товарищ подполковник, – кивнул он.

– Хвалю, майор, – равнодушно бросил Матвей.

– Я вот что подумал, – замялся Петр. – После Учителя столько добра останется! Да и секта эта христианская с хра-

мами такой шикарный гешефт приносит...

– Ты не волнуйся, я за ними присмотрю, – заулыбался Матвей.

– Это понятно, – сказал Петр. – Но де-юре, а не только де-факто этим всем кто-то должен руководить?

– Ну если только де-юре, – снизошёл Матвей. – Можешь и ты.

– Рад стараться, товарищ подполковник! – радостно отдал честь Петр.

– Вы перебрали, Учитель, вам нужно на воздух, – деликатно тронул за плечо Иисуса апостол Симон.

– Молчи, апостольская морда! – завопил назююкавшийся Христос. – Пейте вино все, ибо сие есть кровь моя!

– Закусывать надо, Учитель, – попытался вразумить Иисуса апостол Варфоломей.

– Нет, нельзя, – икнул Христос. – закуска есть тело мое, а оно к смерти моей целым должно быть...

– Так, Учителю больше не наливать, – вмешался Петр, перехватывая кубок Христа.

– Не позволю чаше сией миновать Меня! – заревел сын Божий, вырывая кубок.

– Как вам нравится этот шлимазл, Фима? – тихо спросил один из апостолов, сидящих у края стола. – Где бы был этот идиот, если бы не его папа?

– Что вы хотите от этой страны, Яша? – ответил его себе-

седник. – Социальные лифты сломаны, и, извините, загажены. Но ехать-то нужно! Только не здесь, а отсюда...

В двери ввалились два пузатых римских legionера.

– Так, граждане апостолы, всем оставаться на своих местах! – громко сказал один из них. – Кто здесь гражданин Иисус, прописанный в Назарете?

– Он! – хором вскрикнули все апостолы, показав на Христа.

– Не дождетесь, волки позорные! – пьяный Иисус сорвал со стены меч. – Иудеи не сдаются!

– Гражданин Христос, положите холодное оружие, не усугубляйте, – сказал legionер. – А то вы знаете, мы при исполнении, у нас, взявшие меч, от меча и погибнут. А может, и от бутылки в жопу. Так что не бузи, божий сын!

Второй legionер, зайдя за спину Христу, отнял меч и заломил руки основателю христианства. Двое legionеров вывели Иисуса, горланящего «По тундре, по железной дороге, куда мчится скорый Воркута-Ленинград».

– И это все? – пожал плечами один из апостолов. – А мы? И как теперь дальше?

– Все будет так же, Яша, – отпил вина самый пожилой из апостолов. – Были бы апостолы, а Христос найдется. Дорогие христиане, выпивайте и закусывайте. Пусть вас не волнует этих глупостей...

Толпа, собравшаяся у подножия Голгофы, рыдала и при-

читала.

– Это беспредел! У меня оставшиеся волосы дыбом встают. Что это такое? Вы совсем с ума сошли, что ли? Просто удивительно! Какое преступление совершил этот святой мученик, покровитель новообразованной христианской церкви, сын Божий! – гневно кричал Ирод Иродович, возвышаясь над толпой.

– Жестокое и несправедливое наказание, – положил руку на плечо тетрарху император Тиберий, огромный старик с оранжевыми волосами. – Судьба Христа загублена на пустом месте – фарисейство в худшем виде! Понтий Пилат и его шайка отказываются изучать настоящие преступления, а губят невиновного! Охота на ведьм!

– Вот вы, наш дорогой друг, будучи главой враждебной нам страны, скажите нам – неужели ничего нельзя сделать для спасения Христа? – с волнением спросил Ирод.

– Увы, мои руки связаны, – с болью сказал Тиберий. – Что я могу, я всего лишь римский император! Я и помиловать Христа не могу, он ведь не написал прошение о помиловании! Тем более, в прошении о помиловании необходимо признать свою вину, а сын Божий невиновен!

– Папа, они скоро эту бодягу закончат? Все болит, сил нет, – захныкал распятый Христос. – Ты же обещал обезболить!

– Я обещал снять боль от распятия, а не от похмелья! – гневно возопил слышимый лишь Иисусу Господь. – Пьянь

подзаборная! Это же надо так нажраться, весь крест заблевал! Перед людьми стыдно!

– Папа, мы же боги, – простонал Христос. – У нас нет такого места, которым стыдно! Во имя милосердия, Отец Небесный, облегчи мои муки, дай попить! И лучше пива, только инжирного, а не ячменного...

– Как же ты мне надоел! – возопил Господь. – Все, давай сократим этот фарс, все равно твои евангелисты все красиво распишут. Оторви свои конечности, залечи свои раны и увечья, и шагни навстречу этим верующим в тебя кретинам!

– Не могу, меня ноги не держат, – пожаловался сын Божий.

– Тогда возносись, – прошипел Творец.

Христос, послушно оторвав руки и ноги, взлетел ввысь.

– Эй! – крикнул он сверху. – Что вы ищете живого между мертвыми? Я уже умер и воскрес! Креститесь, плодитесь и молитесь! А мне теперь всякая власть дана, на небе и на земле!

– Вот ведь божий сын, – с иронией сказал из толпы Матвей Матвеевич. – Ничего не может сделать по-человечески...

– Вознесший Господь знает, в какие времена какого кормчего ставить у руля церковного корабля. Сегодня, когда зло не скрывается и открыто заявляет о своей власти над миром, нужен кормчий твердый и бесстрашно противостоящий ему! – выкрикнул Ирод Иродович. – И я с удовольствием представляю вам нового главу христианской церкви, люби-

мейшего ученика Христа – апостола Петра!

– Кто бы сомневался, – усмехнулся Матвей.

Святилище, 33 год от Рождества Христова

– Великий Творец, христианство-то на первом месте! – торжественно объявил Святой Дух.

– Не ори, основатель христианства спит, – сварливо сказал Господь. – Он же, сукин сын, так устал с дороги, что уже несколько дней дрыхнет! А будить жаль, родная кровь... Кстати, насчет, крови, ты его скоро отправишь, в эту, как ее, Русь?

– Как только он ей понадобится, Вседержитель, – загадочно сказал Дух. – Но Боже, я жду награды!

– Всем вам от меня только одного нужно, – заворчал Творец. – Ладно, раз Аллаха с Буддой уделал, заслужил. Чего тебе надобно, старче?

– Сущая безделица. Помните, вы на моих слуг рассердились, магических сил лишили и на Землю низвергли? Верните их назад! Они так хорошо пятки умеют чесать...

– За что я их низверг? – удивился Господь. – Не помню...

– Пошутили над вами, да еще и смешно, – просветил его Дух. – Но они уже давно раскаялись...

– Грешат и каются, а я, видите ли, прощать должен, – закричал Господь. – Ладно, амнистирую я твоих рабов! Как их имена?

– Люцифер и Вельзевул, Вседержитель, – поклонился

Святой Дух.

– Договорились, – оказал милость Творец и, услышав молодецкий храп Иисуса, поморщился. – Слушай, его все же разбудить надо! Он же тут сотню вечностей проспять может!

– Как скажете, – пожал плечами Святой Дух и потряс Христа за плечи. – Просыпайся уже, божья морда!

Христос продолжал храпеть. Разбудить его было невозможно.

Москва, июль 2019